

Научная статья

УДК 94 (47)«16» + 281.93

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-23-33

Об эсхатологии и религиозности населения России в XVII веке

Наталья Сергеевна Гурьянова

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Аннотация

Статья посвящена исследованию религиозности населения России в XVII в. Обращение к анализу эволюции эсхатологического учения на Руси предоставило возможность сделать вывод о том, что после периода Смуты Русская церковь с целью преодолеть духовный кризис в обществе способствовала обострению внимания пастырей к вопросам о конечных судьбах мира и человека. Церковная реформа, начатая патриархом Никоном, была воспринята частью общества как проявление признаков наступления царства антихриста. Это вполне объясняется тем, что для защитников старого обряда была характерна религиозность средневекового типа. Обращение к творческому наследию патриарха Никона периода его ссылки позволило сделать вывод, что и он, пытаясь доказать несправедливость лишения его патриаршего достоинства, тоже апеллировал к эсхатологическому учению. В статье показано, что не только для противников церковной реформы, но и для реформаторов характерна была религиозность средневекового типа.

Ключевые слова

Русская церковь, XVII в., религиозность, эсхатология, реформа, раскол

Для цитирования

Гурьянова Н. С. Об эсхатологии и религиозности населения России в XVII веке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 23–33. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-23-33

Eschatology and Religiosity of the People in Russia in the 17th Century

Natalya S. Gurianova

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Abstract

The article studies the religiosity of Russian population in the 17th century in order to find out the type of this state of public mind. Special attention is drawn to the acuteness of eschatological expectations in society, which intensified during periods of crises. After the Time of Troubles (Smuta), the Church, trying to bring society out of the spiritual

© Гурьянова Н. С., 2021

crisis, had been exploiting the “end of the world” topic through publishing relevant texts. This trend was especially noticeable during the time of Patriarch Joseph. The decision of the Moscow Printing House (Pechatnyi Dvor) to extend the amount of eschatological publications was determined not only by the direction of church policy, but also by the request in society, the desire of the population to get a more complete picture of the Christian teaching about the ultimate destinies of the world and man, since the spiritual crisis had presupposed an increase of apocalyptic moods. This desire indicates that the population was characterized by the religiosity of the medieval type. The article scrutinizes in particular the 2nd half of the 17th century, which modern researchers rightly designate as the early Modern era. In a society with such a keen perception of the time, the church reform, initiated in the middle of the century by Patriarch Nikon, was naturally not supported by a part of the population. In the interpretation of the defenders of the Old Belief, the actions of the reformers turned into clear signs of the advent of the kingdom of Antichrist, as it was prophesied in Christian teaching. It was not some peculiarity of the worldview of the opponents of church reform, their behavior adjusted the religiosity of the epoch. To justify this thoughts the position of Patriarch Nikon could be mentioned. Nikon found himself in a situation of disapproval and, arguing to be wrongfully convicted and misunderstood, he also used the eschatological doctrine. Based on the analysis of such facts, the article concludes that the 2nd half of the 17th century was characterized by religiosity of the medieval type.

Keywords

Russian Church, 17th century, religiosity, eschatology, reform, schism

For citation

Gurianova N. S. Eschatology and Religiosity of the People in Russia in the 17th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 8: History, pp. 23–33. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-23-33

XVII в. в истории России занимает особое место. Историки справедливо называют его «бунташным», «переходным», подчеркивая нестабильность и устремленность в будущее. Современные исследователи внесли необходимые уточнения в характеристику эпохи, четко обозначив середину столетия в качестве хронологической грани, завершающей переходный период от средневековой культуры к культуре Нового времени. Вполне устоявшимся мнением следует считать, что вторая половина XVII в. должна быть охарактеризована как раннее Новое время. Тем больший интерес для выяснения процессов, происходивших в этот период в общественном сознании населения России, представляет изучение раскола в Русской церкви.

Церковные реформы, начатые патриархом Никоном, не были одобрены частью общества. Внутрицерковная оппозиция нашла поддержку в широких кругах паствы, и постепенно оформилось религиозно-общественное движение, известное под именем старообрядчества. В середине XVII в., несмотря на начавшуюся секуляризацию сознания населения России и происходившие в культуре изменения, которые следует обозначить как появление элементов культуры Нового времени, для его основной части характерной чертой мировоззрения по-прежнему оставалась религиозность средневекового типа. Это особенно заметно, если обратить внимание на их представление о конечных судьбах мира и человека.

Эсхатологические ожидания всегда были сильны в русском обществе, особенно ярко проявляясь в периоды кризисов. Христианское учение о конечных судьбах мира и человека было сформулировано в текстах святоотеческого предания, в которых разъяснялись соответствующие постулаты Священного Писания. После принятия христианства на Руси появились переводы эсхатологических сочинений, бытовавших в Византии (см. [Сахаров, 1879; Срезневский, 2012] и др.). Сформулированные в них идеи стали неотъемлемой частью представлений населения о будущем мира и каждого конкретного человека. Для европейского средневекового сознания это была существенная составляющая мировоззрения человека.

В периоды кризисов, по справедливому замечанию А. И. Алексева, «идеи, занимавшие ранее лишь богословов, облекались в легко доступные восприятию образы и путем тиражирования книжных текстов, посредством устной проповеди, через памятники изобразительного искусства (иконы, фрески) формировали в сознании людей представления, проникнутые острым ощущением надвигающейся катастрофы» [Алексеев, 2002, с. 55]. Исследователь, обратившись к анализу ситуации в стране накануне 1492 г., констатировал переход в обществе от религиозного оптимизма Киевской Руси к апокалиптическому восприятию действительности населением, которое стало ощущать скорое приближение катастрофического завершения истории человечества, конца мира [Там же, с. 56–72].

Идеология единого государства, сформировавшегося на рубеже XV–XVI вв., создавалась в рамках церковной культуры, естественно, с учетом существовавших эсхатологических представлений. Важно, что в этом случае, если сравнивать с ожиданиями 1492 г., при использовании учения о конечных судьбах мира был выбран другой аспект учения о «последних днях». Н. В. Сеницына, рассмотрев концепцию «Третий Рим» в историко-литературном, дипломатическом, церковно-политическом и эсхатологическом контекстах, сделала убедительный вывод об особенностях мировоззренческой позиции ее автора. Исследователь подчеркнула специфику эсхатологического смысла предлагаемой им концепции: «Эсхатология Филофея не исключает мажорной уверенности в будущем России как “Третьего Рима”, “Ромейского”, т. е. неразрушимого христианского православного царства, которое пребудет до скончания мира, обеспечивая длительность исторического времени» [Сеницына, 1998, с. 329].

Н. В. Сеницына сделала очень точное замечание по поводу использования Филофеем Псковским эсхатологических идей: «Говоря о “последнем времени”, Филофей не поддавался соблазну календарно-астрономических исчислений... он избрал богословский подход, наполнив понятие “последнего времени” не календарным, а духовным и этическим содержанием» [Там же, с. 250]. Ссылаясь на рассуждения С. Н. Булгакова, исследователь обозначила подобный результат построений «светлым образом эсхатологизма» [Там же, с. 249, 329].

Политический кризис, вызванный пресечением династии Рюриковичей после смерти в 1598 г. Феодора Иоанновича, обусловил и духовный кризис, особенно усугубившийся на фоне кризиса средневековой культуры и начавшегося процесса секуляризации сознания. В Московской Руси наступили времена Смуты, когда рушился привычный образ жизни каждого человека, его представления об идеалах, о нравственности. Всё это еще более углубило кризисные явления в обществе. С избранием Михаила и утверждением на престоле династии Романовых власть, естественно, была озабочена проблемой стабилизации ситуации в стране.

После восшествия на патриарший престол Филарета Церковь стала принимать активное участие в процессе вывода общества из духовного кризиса. Большое внимание патриарх уделял работе Московского печатного двора, считая издания литургических книг важным условием оздоровления церковной жизни. Последующие патриархи продолжили политику Церкви в области печатного дела. Преследуя цель религиозного просвещения населения, они существенно расширили репертуар выпускаемых книг, включив дополнительно четии, учебные и книги катехетического характера, а также увеличили тиражи¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что Московским печатным двором активно издавались тексты эсхатологических сочинений. Возможно, это было вызвано желанием усилить в обществе эсхатологические ожидания с целью возратить паству в церкви, придать институту Церкви статус, который она занимала в средневековом обществе. Направленность церковной политики в области печатного дела особенно ярко проступает в период патриаршества Иосифа². Достаточно перечислить изданные в это время книги, в которых обсуждалась тема конечных судеб мира и человека.

В 1644 г. было осуществлено издание сборника «Кириллова книга», в 1647 г. два раза напечатаны «Поучения» Ефрема Сирина, в этом же году издан «Сборник из 71 Слова». В следующем году вышла из печати «Книга о вере», в 1649 г. – сборник «Собрание краткия науки об артикулах веры», в 1652 г. два раза изданы «Поучения» Ефрема Сирина и аввы Дорофея. Разумеется, тексты многих изданных эсхатологических сочинений были известны русским читателям, поскольку распространялись в рукописной форме. Появление в печатном виде придавало им особый статус, так как книги издавались «повелением благочестиваго и христоролюбиваго государя царя», по «совету и благословению патриарха».

Благодаря этому обстоятельству изданные тексты легитимировались, становились частью традиции Русской церкви. Естественно, речь идет не о сочинениях авторов периода класси-

¹ Об этом см.: [Поздеева и др., 2001].

² О церковной политике в области печатного дела см.: [Зеньковский, 2006, с. 96–102; Каптерев, 2003].

ческого христианства, а о приписываемых им ³, а также о текстах, которые следует определить в качестве творческого наследия Киевской митрополии. Учение о воцарении в мире антихриста, сформулированное православными авторами родственной митрополии в иных исторических условиях, оказалось востребованным Русской церковью. Это свидетельствовало о ее стремлении усилить ожидание в обществе должного в скором времени последовать воцарения в мире антихриста со всеми вытекающими по христианскому вероучению последствиями.

Особенно ярко это проявилось в одобрении и издании текста «Книги о вере». Как установила Н. В. Савельева, она была написана игуменом белорусского монастыря иеромонахом Гедеоном ⁴. Опираясь на идеи, сформулированные его соотечественниками, автор в наиболее полном виде изложил суть эсхатологического учения, нашедшего отражение в сочинениях, написанных в конце XVI – начале XVII в. православными авторами Киевской митрополии. Автор сделал важное дополнение, включив предсказание о том, что в 1666 г. в России может произойти последнее отступление от веры, после которого в мире должен воцариться антихрист ⁵.

Внимание Московского печатного двора к эсхатологическим текстам объяснялось не только направленностью церковной политики, но и востребованностью в обществе, желанием населения получить более полное представление о христианском учении о конечных судьбах мира и человека, поскольку духовный кризис предполагал усиление апокалиптических настроений. Движение низшего духовенства за оздоровление церковной жизни и повышение нравственности населения явно способствовало появлению книг, в которых нашло отражение христианское учение о конце света. Из эсхатологических построений можно было сделать вывод, каким образом следовало изменить образ жизни, чтобы избежать катастрофы. На этом основании представители движения в своих проповедях призывали к нравственной жизни и священников, и паству.

Апелляция к эсхатологическому учению помогала им быть убедительными в объяснении необходимости жить по-христиански, поскольку, как они утверждали, это могло предотвратить воцарение в мире антихриста. В данном случае использовался «светлый образ эсхатологизма», который не только предполагал упоминание о возможных последствиях воцарения антихриста, но давал надежду на то, что этого можно избежать. Другой вариант эсхатологии был представлен учением старца Капитона, который проповедовал необходимость крайней аскезы из-за якобы уже наступивших «последних времен» ⁶.

Всё это свидетельствовало о распространенности среди населения России в первой половине XVII в. представлений о возможном воцарении в мире антихриста и должном последовать после этого конце света. Политика Церкви в области печатного дела еще более усилила эсхатологические ожидания, поскольку были изданы способствующие этому тексты с истолкованием соответствующих цитат из Священного Писания и святоотеческого предания. В обществе с таким обостренным восприятием переживаемого времени церковная реформа, начатая патриархом Никоном, естественно, не была одобрена частью населения. Ее противники, оказавшись в оппозиции, попытались доказать незаконность и неправомочность действий патриарха ⁷.

С первых шагов патриарха Никона по пути реформы все его действия по изменению обряда и богослужебной практики Русской церкви защитники старого обряда стали интерпретировать, опираясь на христианское эсхатологическое учение. Поступки патриарха для оппонентов являлись свидетельством приближающихся «последних времен». На имя государя

³ См., например: «Блаженного Ипполита, папы Римского и мученика. Слово в неделю мясопустную о скончании мира и о антихристе...» (Сборник..., 1647, л. 120–140).

⁴ Об этом см.: [Савельева, 2013].

⁵ Об эсхатологических построениях автора «Книги о вере» см.: [Лурье, 2000, с. 153–158].

⁶ Об учении старца Капитона см.: [Зеньковский, 2006, с. 129–137; Румянцева, 1986, с. 66–81] и др.

⁷ Об этом см.: [Зеньковский, 2006, с. 155–196; Сапожникова, 2010, с. 331–432; Michels, 1999, pp. 21–64] и др.

были направлены многочисленные челобитные, в которых адресата пытались убедить в необходимости отменить новшества, интерпретируемые в качестве явного отступления от традиций, от истинной веры. Авторы апеллировали к текстам Священного Писания, святоотеческого предания, сочинений, изданных Московским печатным двором, пытаясь убедить Алексея Михайловича осудить действия реформаторов.

Преследование тех, кто не согласился принять изменения, внесенные в обряд и богослужебную практику, привели к тому, что тема воцарения антихриста и конца света стала центральной для защитников старого обряда. Соборы 1666–1667 гг., на которых были преданы анафеме противники церковной реформы, а ее инициатор лишен патриаршего достоинства, сделались ключевым событием в эсхатологических построениях старообрядцев. Начало соборов в 1666 г. стало интерпретироваться как исполнение сформулированного в 30-й главе «Книги о вере» предсказания о том, что в этом году в России произойдет «последнее» отступление от веры, после которого следует ожидать воцарения в мире антихриста.

Гонения на противников церковной реформы духовной и светской властями привели к еще более агрессивному неприятию новшеств, к отысканию большего количества цитат из авторитетных памятников письменности в качестве аргументов в пользу отстаиваемой позиции, а также к росту сторонников и постепенному превращению внутрицерковной оппозиции в широкое религиозно-общественное движение. Особую роль в этом процессе сыграл один из пользующихся особым авторитетом в России – Соловецкий монастырь.

В монастыре не приняли изменений, внесенных в результате реформы в обряд и богослужебную практику Русской церкви, отказались служить по новым книгам. Составили сборники, написали сочинения, пять челобитных на имя государя, пытаясь аргументировать свою позицию. Убедившись в том, что эти усилия не приведут к желаемому результату, иноки перешли к открытому противостоянию царским войскам, отправленным для усмирения монастыря, обосновав свое право на такое поведение в челобитных и публицистических сочинениях⁸. Основопологающим для его участников стало утверждение о якобы уже произошедшем воцарении в мире антихриста и должном вскоре последовать конце света. Переживаемое время именовалось соловецкими иноками «последним».

Жестокая расправа над восставшими еще более укрепила веру в справедливость отстаиваемой ими точки зрения на новшества и оказала влияние на увеличение количества приверженцев движения. Публицистические сочинения иноков монастыря, многолетнее сопротивление царским войскам под лозунгом защиты истинной веры сыграли свою роль в превращении внутрицерковной оппозиции в широкое религиозно-общественное движение и в формировании его идеологии.

Противники церковной реформы занялись построением эсхатологических концепций, опираясь на идеи, сформулированные в рукописях и старопечатных книгах. Цитаты из Священного Писания и святоотеческого предания были для противников церковной реформы приоритетными, но не менее важными оказались и тексты, изданные Московским печатным двором в 1640-е гг., которые следует определить как творческое наследие Киевской митрополии. Возможно, этим обстоятельством объясняется, почему официальная Церковь объявила их не вполне соответствующими ортодоксальному православию.

Это было логичным продолжением поведения иерархии на соборе 1667 г., когда было вынесено «Решение на собор, что был при царе Иоанне Васильевиче всея России от Макария, митрополита Московскаго». Текст Стоглава был осужден как написанный «не разумно, простотою и невежеством». По поводу собора вынесен однозначный вердикт: «...и той собор не в собор, и клятву не в клятву, но ни во что вменяем, якоже и не бысть» (Книга..., 1876, с. 221). Соборное порицание авторитетного для Русской церкви текста Стоглава, в котором была осуществлена попытка определить ортодоксальный вариант православия, обозначив

⁸ Об этом см.: [Чумичева, 2009].

особенности обряда и богослужебной практики, вполне объясняется тем, что противники церковной реформы отстаивали их в качестве традиции.

Дополнительным свидетельством справедливости утверждения данной версии традиции для защитников старого обряда были изданные Московским печатным двором книги, которые составлены с опорой на произведения, написанные православными авторами Киевской митрополии. Еще более привлекали их сформулированные в этих текстах эсхатологические построения. Они стали служить основой для аргументирования мысли о якобы произошедшем в 1666 г. отступлении от истинной веры, что, по их мнению, приближало воцарение в мире антихриста.

Утверждение о том, что переживаемые времена есть последние, антихристовы, стало лейтмотивом в произведениях противников церковной реформы при доказательстве невозможности принять новшества. Каждый автор предлагал свои аргументы в пользу такой точки зрения, поскольку апеллировали к различным признакам приближения воцарения антихриста и должно последовать вскоре после этого конца света. Объединяла их убежденность в том, что в России якобы проявился антихрист. Для них речь шла о последнем оплоте истинной веры, остальной мир в их представлении уже давно был покорен противником Христа, поэтому надежду на спасение человечества от катастрофы, от конца света им давала возможность отмены результатов церковной реформы.

Судя по содержанию челобитных и сочинений, написанных первым поколением противников церковной реформы, они были уверены, что борьба против новшеств является сопротивлением антихристовым силам и это дает России шанс спасти мир, продолжив земную историю человечества. Уверенности придавало обращение к текстам древних рукописей и старопечатных книг, в которых они нашли отражение идеи о России как Третьем Риме, утверждение о нем как центре православного мира. Изменения, внесенные реформаторами в обряд и богослужебную практику, в интерпретации защитников старого обряда превращались в явные признаки приближения наступления царства антихриста, сформулированные в христианском учении.

Эсхатологические ожидания усугублялись жестокими гонениями против несогласных с результатами реформы, но одновременно придавали противникам церковной реформы уверенности в справедливости отстаиваемой точки зрения на происходящее и важности продолжения борьбы за истинную веру ради спасения человечества. В сочинениях первого поколения защитников старого обряда проступает осознание авторами возложенной на них особой миссии – сохранить православную веру, отстоять традиции Русской церкви. Для них характерной чертой мировоззрения оставалась религиозность средневекового типа, для которой важно было вписать существование оппозиции в поток христианской истории: от Сотворения мира и до конца света⁹. Противники церковной реформы с успехом справились с этой задачей, поскольку осознавали себя защитниками и наследниками Святой Руси, Римейского царства – Третьего Рима.

Первое поколение защитников старого обряда, опираясь на три типа соединения русской истории с мировой – хронографический, генеалогический, пророчески-эсхатологический, которые разработала русская историческая мысль первой трети XVI в.¹⁰, внесли свои коррективы в интерпретацию исторических событий. Церковные реформы, начатые патриархом Никоном, осознавались ими как переломный момент в истории человечества, а собор 1666 г. – в качестве хронологической грани, после которой Русская церковь окончательно отказалась от веры предков, заменив ее новым учением. Для средневекового типа религиозности это означало приближение конца света.

Противники новшеств, внесенных в обряд и богослужебную практику, видели себя в качестве хранителей традиций Русской церкви и истинной веры, что предполагало возможность избежать катастрофического сценария окончания истории человечества. Обращение

⁹ Об этом см.: [Гурьянова, Крамми, 1994, с. 120–121].

¹⁰ О трех типах соединения русской истории с мировой см.: [Синицына, 1998, с. 323].

к эсхатологическому учению в данном случае давало надежду убедить население в появлении признаков скорого наступления последних времен. В данном случае был представлен, по определению С. Н. Булгакова, «светлый образ эсхатологизма», хотя сочинения авторов первого поколения защитников старого обряда полны описания картин современной действительности, соотношенной с апокалиптическими признаками наступления царства антихриста. Важно, что при этом предлагался вариант избежать катастрофического завершения истории человечества, если борьба за отмену результатов церковной реформы будет продолжена и завершится успехом.

В среде защитников старого обряда были сторонники и другого варианта эсхатологизма, который С. Н. Булгаков обозначил как «темный» и привел в качестве примера старообрядцев-самосожигателей [1991, с. 385]. Идея «огненного очищения» накануне Страшного суда была проявлением религиозности средневекового типа в ее крайних формах, когда современная действительность воспринималась как царство антихриста. Уже в конце XVII в. было написано сочинение с осуждением самосожжений, но это не остановило последователей учения, которых можно охарактеризовать как религиозных фанатиков¹¹.

Превращение внутрицерковной оппозиции в широкое религиозно-общественное движение обеспечил «светлый» вариант эсхатологизма. Этому способствовали гонения, казни защитников старого обряда. В публицистических, агиографических сочинениях детально описывались жестокости, сопровождающие преследования противников церковной реформы светскими и духовными властями. Восприятие ими страданий за веру хорошо описал очевидец второй казни пустоозерских узников: «178-го (1670) году, апреля в 14 день, на Фомины недели в четверток, в Пустоозерском остроге, по указу цареву, полуголова Ивань Елагин взял ис тюрем протопопа Аввакума, попа Лазаря, дьякона Феодора и старца Епифания. И шли они до уреченного места на посечение, где плаха лежит, и мучительная вся готова, и палачь готовитца на посечение их. Они же никого унывшие, вкупе народ благословляли и прощались, светлым лицом, весели, в своем благочестии непоколебимо стояли и за отеческое предание смерть принимали, а к народом говорили: “Не прельщайтесь Никоновым учением! За истинну страждем и умираем!”» («Записка» очевидца о «казни», 1989, с. 404).

Автор записки¹² сумел в этом описании передать ощущения идущих на смертную казнь за свои убеждения противников церковной реформы. Отсечение голов было заменено для Аввакума заточением в земляной тюрьме, а для остальных – «за их речи языки резати, а за крест руки сетчи». Помещенное далее детальное описание очевидца состоявшейся казни придавало убедительности процитированной выше вводной части Записки. В ней нашла отражение явно заметная для окружающих готовность защитников старого обряда принять даже смерть за свои убеждения, поскольку они были уверены, что страдают и умирают за «истину».

Это был не фанатизм, а скорее убежденность в необходимости жертвы ради спасения человечества. Не случайно авторы искали аналогии в библейской истории. Идея мученичества во имя веры сыграла определенную роль в формировании мировоззрения и идеологии раннего старообрядчества¹³. Л. Д. Демидовой [2015] удалось, обратившись к анализу текста сборника «Христианоопасный щит веры...» инока Авраамия, показать, каким образом составитель вписал сочинения своих единомышленников в существовавшую церковную традицию почитания претерпевших гонения за веру. Описания мучений противников церковной реформы делались на фоне эсхатологических построений и интерпретировались в духе преследования их антихристовыми силами с целью окончательно утвердить в России новую религию.

¹¹ Историографию изучения вопроса о самосожжениях и современный взгляд на явление см.: [Пулькин, 2013].

¹² Об авторе Записки и характеристику содержания см. в комментарии Н. С. Демковой («Записка» очевидца о «казни», 1989, с. 660) и статье А. Т. Шашкова [2013, с. 156–162].

¹³ Об этом см.: [Crummy, 2011].

Важно констатировать, что роль эсхатологии в формировании идеологии старообрядческого движения была основополагающей, и это обусловлено тем обстоятельством, что для населения России XVII в. была характерна религиозность средневекового типа. Первое поколение противников церковной реформы были внутрицерковной оппозицией, которая не обладала отличной от других формой религиозности. Их обращение к учению о конечных судьбах мира и человека, как ранее показано, вполне объясняется остротой эсхатологических ожиданий, спровоцированных духовным кризисом в обществе и политикой иерархов, направленной на возвращение паствы в церкви. Постепенно, по мере усиления гонений на тех, кто не принял новшества, мысль о переживаемых временах как антихристовых становится центральной для защитников старого обряда. Они опирались на эсхатологическое учение, обосновывая свое право оставаться в оппозиции к новшествам. Это не было какой-то особенностью сознания противников церковной реформы, их поведение вполне вписывается в понятие религиозности того времени.

Ярким примером подтверждения этой мысли может служить обращение к взглядам патриарха Никона. Разумеется, в своих богословских и публицистических сочинениях он не поднимал эсхатологическую тему до тех пор, пока не был лишен на соборе патриаршего достоинства и отправлен на 15 лет в ссылку. Никон оказался в ситуации, подобной той, в которой были его оппоненты. Он тоже вынужден был оправдываться и доказывать свою правоту. В этом случае Никон тоже обратился к эсхатологическому учению. Это наиболее ясно просматривается в «Возражении, или Разорении смиренного Никона...».

Свои обвинения он заключал выводом об антихристовой сущности оппонентов: «...кто есть антихристи и кто есть чада Божия и чада неприязнена, кто дух истинный и дух лстеч. Ныне мнози антихристи есть, Крутицкий митрополит и прочии подобнии ему. Чада неприязнена ты и подобнии тебе. Дух лстеч Газской митрополит и инии подобнии ему. Но послушай еще паки апостола Павла глаголюща...» (Никон, патриарх, 2004, с. 286). Этот пассаж удивительно напоминает подобные инвективы, направленные защитниками старого обряда в адрес реформаторов. Никон приводит в качестве аргументов те же цитаты из Священного Писания и святоотеческого предания, о чем свидетельствует его апелляция в конце цитаты к очень популярному у старообрядцев фрагменту. Эсхатологические взгляды патриарха Никона – это особая тема. В данном случае мы обратились к ней исключительно с целью подчеркнуть, что для второй половины XVII столетия характерна была религиозность средневекового типа. Первое поколение противников церковной реформы, для которых эсхатологические построения стали основой для оформления идеологии религиозно-общественного движения, действовало вполне в духе времени.

Список литературы

- Алексеев А. И.** Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI в. СПб.: Алетейя, 2002. 352 с.
- Булгаков С. Н.** Православие: Очерки учения православной церкви. М.: Терра, 1991. 416 с.
- Гурьянова Н. С., Крамми Р. О.** Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994. С. 120–138.
- Демидова Л. Д.** Об истоках традиции почитания мучеников за веру у старообрядцев // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 41–57.
- Зеньковский С. А.** Русское старообрядчество: В 2 т. М.: Институт ДИДИК, 2006. Т. 1: Духовные движения XVII века. С. 42–347.
- Каптерев Н. Ф.** Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. М.: Индрик, 2003. 248 с.
- Лурье В. М.** Три эсхатологии. Русская эсхатология до и после великого раскола // Мир православия: Сб. науч. ст. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 150–178.

- Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадькин А. В.** Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652: от восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. Исследования и публикации. М.: Мосгорархив, 2001. 544 с.
- Пулькин М. В.** Самосожжения старообрядцев (середина XVII – XIX в). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 336 с.
- Румянцева В. С.** Народное движение в России в XVII веке. М.: Наука, 1986. 264 с.
- Савельева Н. В.** К вопросу о допечатной традиции «Книги о вере» иеромонаха Гедсона, игумена Бизюкова монастыря: из истории бытования списка М. А. Оболенского // Старообрядчество в России (XVII–XX века). М., 2013. Вып. 5. С. 15–38.
- Сапожникова О. С.** Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 560 с.
- Сахаров В. А.** Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула: Тип. Н. И. Соколова, 1879. 249 с.
- Синицына Н. В.** Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
- Срезневский И. И.** Сказания об Антихристе в славянских переводах: Описания рукописей и выписки из них. М.: КРАСАНД, 2012. 232 с.
- Чумичева О. В.** Соловецкое восстание 1667–1676 годов. М.: ОГИ, 2009. 352 с.
- Шашков А. Т.** «Самовидцы» Пустозерской «казни» 14 апреля 1670 года // Шашков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 151–162.
- Crummey R. O.** The Miracle of Martyrdom: Reflections on Early Old Believer Hagiography. In: Crummey R. O. Old Believers in a Changing World. DeKalb, 2011, pp. 85–96.
- Michels G. B.** At War with the Church. Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford, Stanford Uni. Press, 1999, 354 p.

Список источников

- «Записка» очевидца о «казни» Лазаря, Федора и Епифания в Путозерске 14 апреля 1670 г. с фрагментами текста Аввакума // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 404–406.
- Книга соборных Деяний 1667 г. // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые братством св. Петра митрополита. М., 1876. Т. 2, ч. 2: Акты, относящиеся к собору 1666–1667 года. 430 с.
- Никон, патриарх. Возражение, или Разорение смиренного Никона, Божию милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисее Ликаридиусу, и на ответы Паисиовы // Никон, патриарх. Труды. М., 2004. С. 197–464.
- Сборник из 71 Слова. М., 1647. 876 л.

References

- Alekseev A. I.** Pod znakom kontsa vremen. Ocherki russkoi religioznosti kontsa XIV – nachala XVI v. [Under the Sign of the End Times. Essays on Russian Religiosity in the Late 14th – Early 16th Century]. St. Petersburg, Aleteiya, 2002, 352 p. (in Russ.)
- Bulgakov S. N.** Pravoslavie: Ocherki ucheniya pravoslavnoi tserkvi [Orthodoxy: Essays on the Teaching of the Orthodox Church]. Moscow, Terra, 1991, 416 p. (in Russ.)
- Chumicheva O. V.** Solovetskoe vosstanie 1667–1676 godov [Solovetsky Monastery Uprising of 1667–1676]. Moscow, OGI, 2009, 352 p. (in Russ.)
- Crummey R. O.** The Miracle of Martyrdom: Reflections on Early Old Believer Hagiography. In: Crummey R. O. Old Believers in a Changing World. DeKalb, 2011, pp. 85–96.

- Demidova L. D.** Ob istokakh traditsii pochitaniya muchenikov za veru u staroobryadtsev [On the Roots of Tradition of Veneration of Martyrs among Old Believers]. In: Religioznye i politicheskie idei v proizvedeniyakh deyatelei russkoi kul'tury XVI–XXI vv. [Religious and Political Ideas in Texts of Russian Cultural Figures in 16th – 21st Centuries]. Novosibirsk, 2015, pp. 41–57. (in Russ.)
- Guryanova N. S., Crummey R. O.** Istoricheskaya skhema v sochineniyakh pisatelei vygovskoi literaturnoi shkoly [Historical Scheme in Works of Vyg's Literature School Writers]. In: Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.) [Old-Believers in Russia (17th – 18th Centuries)]. Moscow, 1994, p. 120–138. (in Russ.)
- Kapterev N. F.** Patriarkh Nikon i ego protivniki v dele ispravleniya tserkovnykh obryadov. Vremya patriarshestva Iosifa [Patriarch Nikon and his Opponents in the Matter of Correcting Church Rites. The Time of the Patriarchate of Joseph]. Moscow, Indrik, 2003, 248 p. (in Russ.)
- Lurye V. M.** Tri eskhatologii. Russkaya eskhatologiya do i posle velikogo raskola [Three Eschatologies. Russian Eschatology before and after Great Schism]. In: Mir pravoslaviya [World of Orthodoxy]. Volgograd, 2000, iss. 3, pp. 150–178. (in Russ.)
- Michels G. B.** At War with the Church. Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford, Stanford Uni. Press, 1999, 354 p.
- Pozdeeva I. V., Pushkov V. P., Dadykin A. V.** Moskovskii pechatnyi dvor – fakt i faktor russkoi kul'tury. 1618–1652: ot vosstanovleniya posle gibeli v Smutnoe vremya do patriarkha Nikona. Issledovaniya i publikatsii [The Moscow Print Yard – a Fact and Factor of Russian Culture. 1618–1652: from Recovery after Death in the Time of Troubles to Patriarch Nikon. Researches and Publications]. Moscow, Mosgorarkhiv, 2001, 544 p. (in Russ.)
- Pulkin M. V.** Samosozhzheniya staroobryadtsev (seredina XVII – XIX v.) [Self-immolation of Old-Believers (mid-17th – 19th Centuries)]. Moscow, Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke, 2013, 336 p. (in Russ.)
- Rumyantseva V. S.** Narodnoe dvizhenie v Rossii v XVII veke [Peoples Movement in Russia in the 17th Century]. Moscow, Nauka, 1986, 264 p. (in Russ.)
- Sakharov V. A.** Eskhatologicheskie sochineniya i skazaniya v drevnerusskoi pis'mennosti i vliyaniye ikh na narodnye dukhovnye stikhi [Eschatological Writings and Legends in Old Russian Literature and their Influence on Folk Spiritual Poetry]. Tula, Tipografiya N. I. Sokolova, 1879, 249 p. (in Russ.)
- Sapozhnikova O. S.** Russkii knizhnik XVII veka Sergii Shelonin. Redaktorskaya deyatelnost' [Russian scribe of the 17th Century Sergiy Shelonin. Editorial Activity]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2010, 560 p. (in Russ.)
- Savelyeva N. V.** K voprosu o dopechatnoi traditsii “Knigi o vere” ieromonakha Gedeona, igumena Bizyukova monastyrya: iz istorii bytovaniya spiska M. A. Obolenskogo [On the Pre-Printed Tradition of the “Book of Faith” by Hieromonk Gedeon, Bizyuk Monastery Abbot: From the History of M. A. Obolensky's Script]. Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX veka) [Old-Believers in Russia (17th – 20th Centuries)]. Moscow, 2013, iss. 5, pp. 15–38. (in Russ.)
- Shashkov A. T.** “Samovidtsy” Pustozerskoi “kazni” 14 aprelya 1670 goda [“Self-seekers” of Pustozersk's “Execution”, April 14, 1670]. In: Shashkov A. T. Izbrannye trudy [Selected Works]. Ekaterinburg, 2013, pp. 151–162. (in Russ.)
- Sinitsyna N. V.** Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoii kontseptsii (XV–XVI vv.) [The Third Rome. The Origins and Evolution of the Russian Medieval Concepts (15th – 16th Centuries)]. Moscow, Indrik, 1998, 416 p. (in Russ.)
- Sreznevsky I. I.** Skazaniya ob Antikhriste v slavyanskikh perevodakh: Opisaniya rukopisei i vypiski iz nikh [Legends about the Antichrist in Slavic Translations: Descriptions of Manuscripts and Extracts from them]. Moscow, KRASAND, 2012, 232 p. (in Russ.)
- Zenkovsky S. A.** Russkoe staroobryadchestvo [Russian Old-Believers]. In 2 vols. Moscow, Institut DIDIK, 2006, vol. 1: Dukhovnye dvizheniya XVII veka [Spiritual Movements in the 17th Century], pp. 42–347. (in Russ.)

List of Sources

- Kniga sobornykh Deyanii 1667 g. [Book of the Acts of the Council of 1667]. Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya, izdavaemye bratstvom sv. Petra mitropolita [Materials for the History of the Schism for the Early Time of its Existence, Published by the Brotherhood of St. Peter, the Metropolitan]. Moscow, 1876, vol. 2, pt. 2: Acty, odnosyashchiesya k soboru 1666–1667 [Acts Relating to the Council of 1666–1667], 430 p. (in Russ.)
- Nikon, patriarch. Vozrazhenie, ili Razorenje smirennago Nikona, Bozhieyu milostiyu patriarkha, protivno voprosov boyarina Simeona Streshneva, ezhe napisa Gazskomu mitropolitu Paisee Likaridiusu, i na otvety Paisiovy [Objection, or the Ruin of the Humble Nikon by the Grace of God the Patriarch, against the Questions of Boyar Simeon Streshnev, also Written to the Metropolitan of Gaz Paisey Likaridius and to the Answers of Paisey]. In: Nikon, patriarch. Trudy [Written Works]. Moscow, 2004, pp. 197–464. (in Russ.)
- Sbornik iz 71 Slova [Collection of 71 Words]. Moscow, 1647, 876 p. (in Russ.)
- “Zapiska” ochevidtsa o “kazni” Lazarya, Fedora i Epifaniya v Putozerske 14 aprelya 1670 g. s fragmentami teksta Avvakuma [“Note” of Beholder about “Execution” of Lazar, Fedor and Epiphanius in Pustozersk, April 14, 1670, with Fragments of Avvakum’s Text]. In: Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. XVII vek [Literature Works of Ancient Russia. 17th Century]. Moscow, 1989, book 2, p. 404–406. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Сергеевна Гурьянова, доктор исторических наук, профессор
Scopus 57222243564

Information about the Author

Natalya S. Gurianova, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus 57222243564

*Статья поступила в редакцию 22.03.2021;
одобрена после рецензирования 12.04.2021; принята к публикации 26.04.2021
The article was submitted 22.03.2021;
approved after reviewing 12.04.2021; accepted for publication 26.04.2021*